

НАДЕЖДА

МАМАЕВА

*Фотографов с рук
не кормить*

Надежда Николаевна Мамаева

Фотографов с рук не кормить!

Серия «Профессионалы», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68759307
Фотографов с рук не кормить! / Надежда Мамаева: 2023

Аннотация

Аня – фотограф. Она на своем опыте убедилась: отличное фото определяет не глубина резкости, а глубина чувств.

Ник – ведущий инженер-программист. Он тот, кто знает: от его ошибки зависят жизни многих людей. И его собственная – тоже.

Два профессионала, два совершенно противоположных характера, два совершенно разных мира. Они не должны были встретиться. Но их дороги пересеклись, когда на загородной трассе заглохла одна старенькая семерка. И это была только вторая за день крупная неприятность у Ани. Или у Ника?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Надежда Мамаева Фотографов с рук не кормить!

Пролог

Автомобиль мчался по трассе. Его черный, отполированный и покрытый воском бок блестел в лучах заходящего солнца. За ветровым стеклом, меж осенних рябин и кленов, мелькала свинцовая водная гладь реки.

– Макс, я тебе говорю, нельзя пускать этот вариант разработки в производство. – Говоривший сглотнул. Не отрывая взгляда от дороги, он неся на своей машине. Уставший после напряжённого рабочего дня, закончившегося напряженным разговором с коллегами.

– Ник, пойми, сроки поджимают. Версия – вполне рабочая. Ее недочеты не критичны, – перебил его из динамика собеседник. – Ты просто перфекционист долбаный, не успокойсь, пока не будет все идеально ... Просто отдохни и еще раз подумай над моими словами... Давай, завтра увидимся.

Из гарнитуры слышались гудки.

– Может, Макс и прав... – задумчиво, разговаривая вслух сам с собой, произнёс водитель. – Мне стоит отдохнуть. Хо-

тя...

Хотя по ощущениям Нику хотелось сдохнуть, настолько его все достало. Нога вдавила педаль газа, словно это могло помочь умчаться от проблем.

Телефон вновь напомнил о себе мелодичной трелью. Доля секунды, на которую он отвлекся, стала роковой. Дорога резко вильнула, и новенький дорогой автомобиль на скорости, пробив ограждение, влетел прямо в реку.

Водитель лишь успел упереть руки в руль, как ремень безопасности полоснул его по груди.

Река была не большой, и даже не бурной, но начиналась резко с глубины. Холодная осенняя вода стала стремительно заполнять салон.

– Да чтоб тебя! – выругался Ник. Вопреки недавним мыслям, умирать решительно не хотелось.

Ключ зажигания он повернул рефлекторно, успев перед этим все же включить стеклоподъемник. Тот тихо зажужжал, и вода через открытое боковое окно хлынула в салон. У Ника была всего пара секунд, чтобы не только определиться, какой свет ему все же ближе: тот или этот, – но и спасти себе жизнь.

Водитель отщелкнул ремень, и сильное поджарое мужское тело через боковое окно выскользнуло в мутную речную воду. Пустой автомобиль, недовольно булькая, начал опускаться на дно.

Глава 1

Если хочешь устроить своему парню сюрприз, будь готова к тому, что он может преподнести тебе еще больший. Именно так случилось и у меня. Фотосессию, которую я должна была снимать сегодня после обеда, отменили. С учетом того, что впереди маячила куча обработки, а на завтра была назначена свадьба, где я с раннего утра буду с камерой в зубах виться вокруг жениха с невестой, этот самый отказ я восприняла как праздник. Нет, не так. Как презент судьбы. А подарками, правильно, надо делиться. Ну я и решила, что романтический вечер с любимым – это прекрасно, трогательно и вообще лучший отдых.

Стас должен был вернуться с работы в нашу маленькую съёмную квартирку-студию в пять. Ровно к этому времени я приготовила болоньезе. Хорошо, это были лично мной отваренные спагетти под покупным соусом. Но что мешает красиво, на буржуинский манер, обозвать простое блюдо? Зато у ставропольских макароншек сразу появился итальянский шарм. Если бы я их еще не переварила, то и вкус бы не подкачал. Но... я умела красиво фотографировать, в том числе и еду, но, увы, не готовить. Впрочем, еще ни одна женщина со времен Евы не была абсолютно и беспросветно идеальной. И вообще, мужчины любят нас, женщин, не за достоинства, а за недостатки. Так зачем мне пытаться сломать эту тыся-

челетиями отлаженную систему выбора спутницы жизни?

В общем, я ждала. С ужином, облачившись в весьма смелый пеньюарчик... Сюрпризилась, так сказать. Часа два ждала, если не больше. За это время успела придумать больше двадцати эффектных поз для встречи Стаса и под сотню – для невесты на завтрашней свадебной съёмке. За это время болоньеze уже превратился в прочный клейстер, зацементировав в себе вилку.

И я таки дождалась! Дверь распахнулась, и жарко целующаяся парочка, не обращая ни на что внимания, вот-вот готова была прямо с порога приступить к процессу деторождения. Точнее, к первой его части – зачатию.

М-да... Как я много могла пропустить, если бы вечерняя фотосессия все же состоялась.

– К-хе, – кашлянула в кулак, привлекая к себе внимание. С первого раза не удостоилась не только ноля этого самого внимания, но даже фунта презрения не досталось! Пришлось изображать приступ чахотки, и, когда меня все же заметили, задала риторический вопрос: – Ребят, я вам не мешаю?!

– Аня?... – Стас поправил упавшую на лицо прядь темных волос и оторопело произнес: – Ты же должна работать?!

– Должна... И даже работаю, как видишь. Почетным оленем. – Я выразительно почесала макушку, намекая на то место, откуда обычно растут рога.

Но Стас, ушлый гад, не проникся, наоборот, уже придя

в себя от удивления, просиял улыбкой и заявил:

– Ань, как хорошо, что ты все узнала. – С этими словами он подошел к дивану, на котором я сидела.

Крашенная в блонд девица весьма разбитного вида, в ко-сухе и свехмини-шортах, надетых поверх чулок в сетку, с интересом оглядывала студию, словно прицениваясь к квартирке и предвкушая сцену скандала.

– И что в этом хорошего? – уточнила я.

– Хотя бы то, что теперь я открыто могу предложить тебе то, что так давно хотел: секс втроем. Ты, я и Ленка...

Челюсти отпали синхронно: и у меня, и у девицы. Так выкрутиться из ситуации мог даже не каждый выпускник МГИМО... А они, между прочим, конченные дипломаты международного уровня!

В общем, пришлая, в отличие от меня, ответить решила не матом, а увесистым аргументом. Таким, на котором был штамп завода «Гусь Хрустальный». Ну и ладно, эта тяжеленная ваза – к слову, подарок, как я уже поняла, несостоявшейся экс-свекрови, мамочки Стасика, – мне никогда не нравилась.

Я увернулась от летящей «эпиграммы», а вот мой благоверный – нет. Она врезалась ему в плечо, отчего Стас упал на пол.

– Ленка, ты чего? – опешил мой уже бывший.

– Я – все. И тебе тоже все: крышка, – многообещающе ответила девица, и что-то мне подсказывало, что эта самая

крышка будет не от капота.

Мне же больше всего хотелось сейчас уйти. Что я и сделала: подорвалась с дивана и направилась напрямиком к двери. И лишь на выходе из подъезда поняла, что забыла свой чемодан с зонтиками для съемки, камеру, объективы, вспышку, аккумуляторы... и лишь потом – в каком виде нахожусь.

Выругалась сквозь зубы. Потопала босыми пятками по ступенькам. Поднялась на второй этаж и аккуратно открыла незахлопнувшуюся дверь.

Скандал все же был. С нанесением легких... нет, судя по утюгу в руке «Леночки», уже средних, а местами и тяжёлых повреждений главным образом мужской психики. Стас, гад, виртуозно уклонялся! Так что до телесных дело дошло, но лишь отчасти. В общем, я тихонько, не мешая скандалу с рукоприкладством, взяла свои вещи и была такова.

А вот стоя во дворе, рядом со своей побитой жизнью и лично мной в паре мелких аварий семеркой, прикидывала: куда пойти, кому отдать... податься. Родители уехали на все выходные на дачу – значит, дома никого. Решено: переночую у них.

Только я подумала о том, что меня ждет родительский дом, как затрезвонил телефон. Мелодия, напоминавшая, что кое-кому надо заплатить чеканной монетой, прозрачно так намекала, что моя мама хочет меня услышать. Поднимать трубку не хотелось. Не хотелось, но пришлось. И спустя четверть часа я поняла: родственники существуют в этом мире

для того, чтобы не дать тебе скучать. Конкретно в вечер пятницы моя родительница, узрев богатый урожай тыкв и яблок, решила, что его прям срочно, жизненно необходимо повоенному быстро перебросить в город. А то ведь пропадет! А жалко! Тащить же эти трофеи битвы за урожай на электричке, когда у дочери есть почти цельная «классика», было кощунством.

Я покосилась на капот своей «ласточки», которую правильнее (и честнее) было бы назвать ржавым ведром с гвоздями. От ведра с гвоздями классического, которое мчится по отечественным направлениям... пардон, дорогам, отделял лишь капремонт. В общем, это была машина смерти в миниатюре. Для бесстрашных духом и кошельком.

– Хорошо, ма, через пару часов приеду, – заверила я родительницу. А что – часик на пореветь, остальное – на дорогу. Благо дача за городом недалеко.

И вот спустя положенное время я в ночных сумерках мчалась по трассе, груженная кабачками, патиссонами, помидорами, яблоками и жутким желанием спихнуть все это в реку, не довозя до дома. А потом сказать, что урожай сам выпал. Через дыру в полу. Я ради этого даже оную проковыряю. Ведь чует мое сердце, перерабатывать все эти перцы-баклажаны в аджику позовут меня. И будет у Анечки очередное кухонное рабство...

Летела я на запредельной для старенькой классики скорости – аж пятьдесят километров в час. И не собиралась брать

никаких попутчиков, которые, нет-нет да и вылезали из леса. Кто с корзинами грибов, кто, судя по виду, собрав на свою пятую точку приключений. Один такой как раз нарисовался рядом с поворотом, подняв палец в жесте автостопера. Я уже хотела проехать мимо, как моя машина решила иначе. Чихнула, дернулась и заглохла. Я разгребла завалы у лобового стекла и узрела во всей красе этого ловца попутки. Высокого и мокрого насквозь. С него текло в три ручья. Светлые волосы напоминали медузу, привольно устроившуюся на макушке этого горе-нырятьщика.

– Не подбросишь? – спросил этот шустрый малый, оббежав мою замершую на дороге машину и склонившись у припущенного бокового стекла. По его виду было ясно: он изрядно продрог, пока голосовал у обочины. Это и понятно: осень пусть и бархатная, но не меховая же! Греть-то греет только в полдень. А как небо вызвездит – и ледком лужи покрыть может.

– А ты в двигателях разбираешься? – вопросом на вопрос ответила я.

– Вот сейчас и узнаем. – Автостопер поскреб пятерней мокрую макушку и скомандовал: – Капот открой.

А я что? Я ничего... Открыла. И увидела принцип работы черной дыры в миниатюре. Ибо этот царевич-лягух, с которого ручьями текло, занырнул в недра машины по пояс. Не меньше. Мне даже на миг показалось, что еще немного –

и я увижу, как ноги незнакомца оторвутся от земли и он исчезнет где-то в межмоторном пространстве.

Но нет, этого не случилось. Зато случилось мое обогащение. Правда, не материальное, а исключительно интеллектуальное. Я узнала, что такое бендикс и что у меня с ним, поэтому стартер срабатывает через раз, вот-вот порвется ремень ГРМ и... Вообще чудо, что я, ездя на этой машине, еще не улетела. В кювет или сразу на небеса – самопровозглашенный механик не уточнил. И на том спасибо.

Орудовал он в моторных недрах позаимствованным у меня гаечным ключом, к слову, недолго. А захлопнув капот, подвел итог:

– В общем, если бы эта машина была лошастью, я бы посоветовал вам её застрелить.

– Она и так дохлая. – Я кивнула на замершую у обочины классику. – Так что мне нужна не пуля, а заклинание воскрешения. И если вы не владеете навыками некромантии, то, боюсь, до города мы будем идти пешком.

– Не придется, – огорошил меня автостопер. – Я хоть и не маг, но тоже кое-что могу. И даже без гугла. Так что пару десятков километров протянем. А там... сдайте ее.

– В автосервис? – с надеждой спросила я.

– Если денег не жалко, можно и в автосервис... Но разумнее – на металлолом.

– Как на лом? – растерялась я. – Мы же с ней столько пережили. Поездок на дачу, фотосессий, даже аварию, когда я

въехала в столб.

– Простите, а в тот столб вы сколько раз врезались? – педантично уточнил автостопер таким тоном, который вызывает у собеседника зуд в пальцах и легкое желание убивать.

– Уж всяко меньше раз, чем вы купались. – Я выразительно взглянула на его мокрую одежду.

– Может, меня девушка сегодня бросила, – прищурился он в ответ.

– Что, прям в воду? – Я изогнула бровь.

Ну бывает, люди расстаются. Но зачем же топиться-то сразу? Мне вон тоже сегодня Стасика бросить пришлось. И, между прочим, он после этого абсолютно сухой. Может, правда, слегка покалеченный той блондинкой... чутка придушенный... с подбитым глазом или парой переломов... но сухой. Скорее всего.

– Не знаю, – удивил меня автостопер, и на его лице отразилась усиленная работа мысли. – Просто кажется, что бросила.

– Кажется? Это как? В смысле, не докинула? – Тема бывших была больной, а потому ехидство лезло из меня, как кипящая манная каша из-под крышки кастрюли: ничем не удержишь.

– Это так, что я не уверен, была ли у меня девушка... – И, глядя на мое вытянувшееся лицо, он сделал контрольный выстрел в голову: – Или парень.

– А в своем имени ты хотя бы уверен? – Возникло подо-

зрение, что меня разыгрывают. Я даже оглянулась на ближайшие кусты. Вдруг там скрытая камера?

Ну не бывает такого. Просто не-бы-ва-ет. И тем не менее: автостопер стоял передо мной, чуть склонив свою голову и изучая меня. Я в ответ беззастенчиво начала заниматься тем же.

Правда, снизу вверх делать это было немного труднее. Все же странный тип был выше меня на голову. И крупнее. Одни широкие плечи чего стоили. Мокрая ткань рубашки не скрывала рельеф мышц поджарого тела, которое даже сейчас, в расслабленном состоянии, напоминало сжатую до предела пружину. Да не только тело, но и лицо выдавали, что автостопер жутко зол. Вот только знать бы еще на кого: меня, себя или ситуацию, в которой оказался?

Мой взгляд скользнул по волевому подбородку, сжатым губам и мужественным чертам породистого лица. И, как фотограф, я не могла не признать... Этого типа хотелось снять красиво.

Я даже на миг представила, как его фото смотрелись бы на стоках... Интересно, он бы согласился подписать стандартный договор модели? Помечтала ровно секунду и услышала угрюмое:

– Нет.

– Чего «нет»? – не поняла я, в первую секунду решив, что так глубоко ушла в размышления, что озвучила свои мысли.

– Не уверен. Я, кажется, ничего о себе не помню. Толь-

ко то, как выбрался из реки и выбрел на трассу.

– А как ты мою машину чинил? – опешила я.

– Ну вот опытным путем выяснил, что плавать и чинить умею. А имя – не помню... – выдал этот тип, у которого, похоже, горизонт уехал, шурша объективом.

Псих, ну точно псих. И садиться с ним в одну машину крайне не хотелось. Настолько, что, если он сядет, я предпочту пройти до города пешком. Всего-то пара десятков километров... По ночной трассе... С мчащимися фурами... Мимо леса...

– Знаю, что выгляжу странно, а наш разговор и вовсе пахнет шизофренией, – будто прочтя мои мысли, начал этот тип, подняв руки открытыми ладонями вверх в жесте «сдаюсь». – Но, клянусь, у меня и в мыслях не было причинить вам вред.

Я еще раз с сомнением оглядела этого недобитого амнезийного водолаза, перехватила гаечный ключ на манер дубинки и все же приняла решение:

– Садись на переднее. – Указала подбородком на место рядом с водителем и грозно добавила: – Только смотри мне: тыкву береги.

Тут уже на лице автостопера появились сомнения: стоит ли лезть в машину? И только тут до меня дошло, как двояко прозвучала фраза. Я-то имела в виду здоровенную оранжевую тыкву, которую везла с дачи. Она весила изрядно, размеров оказалась и вовсе таких, что не помещалась на пол,

и я была вынуждена положить ее на сиденье и пристегнуть ремнем.

Пришлось пояснять свою мысль. Но, судя по тому, с каким сомнением белобрысый открывал дверь, он не поверил моим словам, пока лично не убедился, что речь шла о главном продуктивном атрибуте Хэллоуина.

Тыква была выгружена, автостопер усажен на ее место и сверху придавлен рыжей же королевой урожая. Не знаю, как чувствовал себя при этом странный тип, держа на коленях почти двадцать кило бахчевого веса, но я – однозначно спокойнее. Во всяком случае, покушаться на меня этому недонырляшику будет тяжелее. Это факт.

Спустя пять минут, семь поворотов ключа зажигания и одну молитву мы наконец-то поехали. Тихо, аккуратно и молча. Не больше сорока километров в час и столь аккуратно, ничего не нарушая, словно я забыла дома права. Я косила взгляд на подозрительного пассажира. Он – хмуро смотрел вперед с видом Перельмана, который вот-вот докажет теорему Ферма. В общем, был настолько серьезным, как терминатор на выгуле.

Безмолвие давило на мою нежную психику. Сильно давило. Совсем как те пьяные носильщики, которых я сдуру наняла, когда мы решили жить со Стасиком вместе. В тот злополучный вечер грузчики тоже давили на все педали подряд, пытаясь найти тормоз. Но поехавший с лестницы рояль было уже не остановить. А потом эти проспиртованные еще и да-

вили мне на нервы, пытаюсь разжалобить. Но на фоне останков разбитого инструмента это у них получилось плохо.

А вот сегодня вдребезги разбились и отношения с моим бывшим. А ведь еще тогда нужно было прислушаться к рояльному знаку судьбы... Черт! Только осознав, что мысли, совершив странный логический крюк, опять вернулись к этому изменщику, по которому хроматическая аберрация плачет, я разозлилась. На себя. И, чтобы как-то отвлечься, задала вопрос:

– Ты совсем не помнишь, как тебя зовут?

– Нет. – Ответ был сухим, как гербарий, и столь многословным, что намекал собеседнику: неплохо бы и ему тоже увянуть.

– Тогда как к тебе обращаться? – я, не отрывая взгляда от дороги, продолжила разговор, напрочь игнорируя намеки этого травника о засухе.

– Как тебе удобнее. Выбери любое имя.

– Ратибор? Мирослав? Ярополк? Ярослав? – Я была сама невинность.

– Я не понял: Русь в настолько большой опасности, что у тебя других имен не осталось? – сыронизировал этот... покоритель водных глубин.

– Значит, будешь водолазом, – резюмировала я, отсекая любые возражения.

– Ну раз со мной разобрались, то, может, теперь я узнаю, как тебя зовут, о бесстрашная укротительница памятников

глубокой старины?

Однако! Так тонко мои жигули-семерку еще некто не обзывал.

– Анна. Для тебя просто – Анна Андреевна Белова, – вернула я шпильку белобрысому.

Не знаю, до чего бы мы добеседовались, но в наш милый разговор решила вмешаться не иначе как добрая фея. Один взмах ее волшебной палочки – и нам пришлось остановиться. Правда, чародейка была в униформе, а ее рабочий инструмент – полосат, аки шмель, и столь же больно жалил. Причем сразу по самому дорогому месту – кошельку.

– Лейтенант Макаренко, – козырнул в приоткрытое окно постовой и, взяв документы на машину, задал гениальный вопрос: – И куда это мы крадемся?

Меня не первый раз останавливали работники гаи. И каждый раз наши с ними диалоги напоминали кота Шредингера: бывали глупыми, а бывали и нет. В зависимости от наличия наблюдателя. Сейчас наблюдатель имелся. Сидел рядом и обнимал тыкву так, словно она была коlobком-рецидивистом, готовившим очередной побег.

– С дачи в город. – Я была капитаном Очевидность. Очень мило и старательно улыбающимся капитаном, подключившим к разговору не только все свое обаяние, но и позаимствовавшим оное у соседей.

Правда, хотела сначала сказать, что еду просто вперед, но подумала, что шутить с доблестными гаишниками се-

бе дороже. У них чувство юмора в базовую комплектацию не входит.

– Откройте багажник, – напустил на себя суровость страж дорожного порядка.

– Простите, а объявлен план-перехват или иная операция по задержанию? – вмешался в нашу беседу водолаз. – На каком основании будет произведен досмотр?

И тут же пристальное внимание гаишника переключилось на пассажира. А я поняла: вот теперь точно выпишут штраф. Можно сворачивать милое выражение лица, оно уже бесполезно. Работника гай, у которого горит план по сбору мзды, даже отсутствие нарушений ПДД водителем редко останавливало. Но все же был шанс. Пока не влез автостопер.

Я уже морально приготовилась, и... ничего не случилось. Ну как не случилось. Мне передали тыкву. Затем водолаз вылез из машины и, подойдя к патрульному, что-то тихо ему сказал. Парень в форме ему ответил... Их диалог длился не больше минуты, после чего мне вернули права, козырнули и пожелали удачного пути.

Когда автостопер уселся на свое место, то на мой молчаливый вопрос ответил:

– Я напомнил ему не только о его правах, но и границах полномочий.

– Ты же имя свое не помнишь...

– Имя – нет. И всего, что связано с личным, – тоже. Но вот такую ерунду...

Из этой проникновенной речи водолаза я вынесла лишь один вердикт: врет!

Впрочем, пытаться вывести этого горе-ныряльщика на чистую воду я не стала. Решила: пусть барахтается в своей мутной глубине, садится в лужу (а его ли она или чужая – не суть), залегает в тихом омуте, как профессиональный черт... в общем, участвует в прочих фразеологических извращениях – если ему так нравится. Сделала вид, что поверила. Промолчала, прикинув, что если не буду докапываться до правды, то сэкономлю время и нервы. Жаль, что бензин таким образом сберечь нельзя.

В итоге минут двадцать мы ехали по трассе в абсолютной тишине. Такой, которую, согласно поговорке, любит счастье. А еще – похмелье.

Мой пассажир буравил немигающим взглядом автостраду и становился все больше похожим на труп. В смысле – синел. Ибо в машине было не сказать чтобы сильно тепло. Печку я не включала, руководствуясь опытом: либо моя классика ехала с прохладным салоном, либо в растаявшие колеса в асфальт и, опять же, не грела. Зато трубка с горячим тосолом фонтанировала в районе ног пассажира.

Посему вариант включить печку закончился бы тем, что автостопер бы согрелся, и даже очень. Но не весь, а в районе лодыжек, зато сразу до сожженной кожи. И пришлось бы Анечке везти его в травму. А так – сразу в морг. Поскольку уж больно он синюшный.

Автостопер и вправду по цвету все больше напоминал почетного клиента трупницкой.

– Продрог? – поинтересовалась я, не отрываясь от дороги.

– Т-так вид-дно? – простучал зубами этот горе-морж.

– А теперь еще и слышно, – не смогла удержаться от ехидства.

И только потом сообразила, что все то время, пока я крутила баранку, мой сосед тратил титанические усилия, чтобы его зубы не отбивали чечётку. Видимо, пока он копошился в моторе, двигался и хоть как-то согревался. А может, его организм решил, что с него хватит и если хозяин хочет, то пусть и дальше корчит из себя незамерзаемого, неубиваемого, непотопляемого и вообще героя еще с кучей эпитетов на «не», но без него.

– Слушай, Ди-Каприо с Титаника, там на заднем сиденье есть старая куртка. Накинь. А то синеешь ты, а страшно мне.

– Я ст-тановлюсь п-похожим на уп-пыря?

Вот как это у него получилось сыронизировать, даже стуча зубами?

– Угу. Настолько, что я уже хочу спросить: под какой процент ипотеку на гроб брал? Ну или, на худой конец, чего больше боишься: осинового кола или платных стоматологов? Тех, которые даже у вампира в клыках найдут кариес и предложат вставить имплантат по цене крыла боинга?

Ответом мне стал щелчок ремня безопасности. А потом я узрела на уровне плеч обтянутый мокрыми джинса-

ми оттопыренный зад. К слову, крепкий такой, притягательный. Причем настолько, что я невольно косила одним глазом на эти дергающиеся ягодицы, а другим – на дорогу.

– Эт-то курт-тка? – придиричивым тоном осведомился автостопер, разглядывая одежду.

У-у-у, привереда. Зато она теплая!

Подумаешь, эта аляска старше меня. И что бомжи бы оскорбились до глубины души, предложи им на помойке сию «обновку» гардероба. Но, во-первых, моя мама не предлагала, а, во-вторых, рассада, которую от заморозков прикрывали, не возражала. Вот и сейчас куртка выполняла ответственную роль: ее использовали вместо крышки на внушительную корзину с яблоками – подоткнули по кругу, чтобы урожай не раскатился по салону.

– Ну не стринги же! – справедливо возразила я, наблюдая, как хмурый пассажир натягивает на себя то, что сначала служило отцу верой и правдой зимой, потом согревало его в гараже, пока он перебирал мотор своей машины, потом – всей нашей семье на даче и под конец – спасало жизни рассаде.

В итоге автостопер страшно синий превратился в автостопера просто страшного. Зато за всем этим «Модным приговором» мы добрались до города.

– И куда тебя подбросить? До метро? – уточнила я, когда мы застряли в небольшом заторе на въезде.

– Не знаю, – ошеломил меня этот недоутопленник.

– А я откуда должна знать? Может, тогда в полицию, раз

ты память потерял? – Я смутно представляла, что делать, если на тебя свалился такой вот найденыш.

– Давай в полицию, – на удивление покладисто согласился согревшийся автостопер. На миг он замолчал, словно на что-то решаясь, а потом произнес: – Единственное, перед тем как меня туда везти... У тебя сухой одежды не найдется?

Приплыли... В смысле, подобрала на свою голову. Везти его к родителям домой не хотелось категорически. В общую с бывшим съемную квартиру – тем более. Высадить у ближайшего перекрестка... В глубине души сидел червячок сомнения: а вдруг и вправду это какая-то редкая фрагментарная амнезия?

Так, терзаемая противоречиями, я и подрулила к своему дому. Припарковавшись у подъезда, заглушила мотор и решительно произнесла:

– Хорошо. Сухую одежду найду. Но ты ее отработаешь натурой, – устало, на автомате произнесла и по вытянувшемуся лицу пассажира поняла, что подумали мы не об одном и том же.

Я имела в виду – грузчиком. Налички же, чтобы оплатить секунд-хенд, у этого водолаза явно не было. Так что пусть поможет мне донести кучу овощей. Капустку там, яблочки, тыковку, пару ведер терна. А он... Вот всегда полагала, что фразы «я не такая» и «за кого ты меня принимаешь» – исключительно женская прерогатива. Ан нет! Всего на долю мига, но именно это выражение застыло в его глазах. А по-

том мужской взгляд, уже совершенно другой, оценивающий, прошелся по моей фигуре и прозвучало чуть растянутое:

– Хорошо...

– Ну вот и отлично! – Я, исповедуя принцип: каждый свой небольшой промах при должной смекалке можно обернуть чужим проколом, – не стала разуверять до поры до времени этого... готового к продолжению рода типа, что он понял меня превратно.

А вот когда мы вышли из машины и я вручила ему корзину с яблоками, тыкву, пакет с капустой и до кучи впихнула кабачок под мышку, до него дошло, что я имела в виду.

Может, конечно, автостопера и стоило предупредить, что я фотограф и лексикон у меня соответствующий. Так пресловутую фразу «покажи мне натуру» можно в зависимости от ситуации трактовать и как «миленький осенний фон», и «выпусти свой характер», и «хватит фотошопа, давай естественность», и кадры в стиле «ню». Но он сам виноват: первый начал шифроваться со своей амнезией, которая может быть и не потерей памяти вовсе. Вдруг он мошенник какой?

Потому, перед тем как открыть дверь родной квартиры, я позвонила в соседнюю. Там жила подруга детства Даша, с которой мы в детском саду сидели на соседних горшках, а в школе – за одной партой. Потом, правда, пути разошлись... Она выбрала себе стезю стилиста и сразу после одиннадцатого класса поступила на парикмахерские курсы. Я же сдурю отдала документы на истфак и... Подсела на образование,

как иные – на электронные сигареты. Сейчас у меня была уже третья затяжка. В смысле, я так не смогла бросить это пагубное дело – учиться. Посему, получив диплом историка, пошла заочно на менеджмент, а теперь и в маркетингологи. К слову, это весьма мне помогло в фотографии. Нет, не в чувстве кадра, а в том, какова его цель. Посему умела и практиковала не только свадебную съемку, но и брендовую, художественную, студийную, репортажную.

Пока я предавалась воспоминаниям о былом, в глубине квартиры подруги раздалась шага, а спустя пару минут открылась и дверь. На пороге стояла Даша. В пижаме, с маской на лице и пачкой чипсов в руке. В общем, имела типичный вид девушки, у которой накрылось пятничное свидание и которая, смыв макияж, решила расслабиться под сериальчик нетфликса.

– Привет... – протянула подруга, ошарашенно взирая на композицию «нищие садовые грузчики».

За «нищих» и «грузчиков» в нашем дуэте отвечал водолаз. За «садовых» – я, изображавшая дачницу, беременную тыквой.

– Даш, тут такое дело, – я замялась, подыскивая слова. – Мне тут этого подозрительного типа надо переодеть...

Я на пару секунд прервалась, пытаюсь подхватить выскользывающую из рук тыкву. А соседка приняла это за окончание фразы и спросила:

– Ты его снимать будешь, что ли?

Выразительное сопение автостопера за спиной без слов говорило, что он думает об особенностях некоторых девушек двойко выражаться.

– Нет, это не модель, – я фыркнула, сдув со лба выбившуюся короткую темную прядь. – Мне его просто переодеть надо. Но... – Я наклонилась, сбавив громкость голоса на пару тонов: – Я ему не доверяю. Очень. Так что если я не позволю тебе в дверь через четверть часа – знай: со мной что-то могло случиться и...

– Что?! – Дашка не расслышала моего шепота и переспросила на октаву громче.

– Ваша подруга говорит, что опасается, что я преступник, и просит вас через пятнадцать минут проявить бдительность, – услужливо подсказал за моей спиной мокрый тип. Судя по интонации, при этом он еще и скалился, паразит.

– Я просто хотела быть деликатной, – прошипела я, оборачиваясь.

– А я – вежливым. – Его глаза откровенно смеялись, хотя выражение лица было серьезным.

– Все с вами ясно, – произнесла Дашка, заставив меня вновь обернуться к ней. – Если что, через пятнадцать минут я беру чугунную сковородку и иду к тебе в квартиру убивать. А потом мы вместе с тобой, Белова, запикиваем его, – кивок за мое плечо, – труп в мусоропровод. Даже если его в нашем доме нет.

Все же мне в этой жизни повезло с подружкой. С парнем

не повезло, а с Дашкой – очень даже.

– Договорились, – согласилась я с таким планом, и засим мы распрощались.

Когда же я и водолаз все же оказались в моей прихожей и я смогла взглянуть на своего подобранца, то увидела, что он улыбается – широко так, открыто. Впервые за этот вечер. А еще беззастенчиво рассматривает меня в ярком свете простенького абажура. Я так растерялась, что сделала шаг не глядя и... едва не запнулась о папин молоток, который все стоял в прихожей, отец не мог его никак убрать.

– Какая ты бдительная, – наконец выдал недонырлящик.

– Предосторожность рядом с незнакомыми личностями лишней не бывает, – у меня все же вырвалось мнение о его «амнезии».

Нырлящик тут же поджал губы. И вообще перестал широко улыбаться и хвастаться тем, что у него был хороший стоматолог.

– Ванная – там. – Я указала на фасетчатую дверь, микрирующую пленкой под массив сосны. – Можешь пока умыться. Полотенце бери полосатое. Сейчас поищу тебе сухие вещи, чтобы переодеться.

Автостопер тут же воспользовался моим предложением. Я услышала, как задвигается щеколда. На два поворота.

И этот тип будет мне говорить о бдительности? Как будто стоит ему оказаться в ванной, я тут же вздумаю покуситься на его добродетель. Я прошла в комнату, стараясь краем

глаза косить в сторону ванной. В общем, бдела. А еще искала папины штаны по принципу «чего не жалко и не сильно стыдно». В итоге обнаружила почти не дырявые джинсы и почти новую футболку, которую папа жутко не любил, с надписью «Мы пели так, что вырезвитель плакал!». Она была настолько синтетической, что порою искрила. И подозреваю, при должном трении от этой футболки даже можно было запитаться и подзарядить телефон.

Довеском автостоперу достались носки и выдавшая виды толстовка. Да, это не наряд от Прада. Зато сухой. И точно будет ему не мал, скорее даже наоборот. Именно это я и сказала вернувшемуся из ванной недоутопленнику. А потом мило-стиво предложила ему для переодевания кухню. Она у нас была, к слову, не такой уж и маленькой, там помимо традиционного трио плита-холодильник-стол еще помещался диванчик, и куча шкафчиков, и даже этажерка. В общем, кухня у нас была из тех, где можно развернуться. И переодеться, не стучаясь головой, коленями, локтями и здравым смыслом об углы.

Сама же вышла в зал. Пока этот тип облачается в сухое и чистое, воткну телефон на подзарядку. А то он сдох еще на середине обратного пути. Ну и заодно за входом из кухни прослежу, чтобы гость по квартире не шастал. Прошло десять минут. За это время можно было не то что одному автостоперу переодеться – двадцати. А с кухни не доносилось ни звука. Я осторожно, на цыпочках, направилась к двери,

тихонько приоткрыла ее и... Да он обнаглел! Это была единственная цензурная мысль.

Недонурыльщик спал сном праведника, нимало не заботясь, что к благочестию лучше приобщаться через молитвы, а не витая в царстве Морфея. И уж точно не на моем диванчике! Для этого подойдут лавка в церкви, кровать там в келье... Эту простую мысль я и попыталась донести до беззаботно дрыхнувшего типа. Но... как в таких случаях говорится, медицина была бессильна. Сон оказался глубоким, как Марианская впадина.

Я пошла в зал за телефоном и набрала Дашу.

– Да?! – настороженно отозвалась она.

– Понимаешь, кажется, четверть часа немножко затянется...

– Он настолько хорош? – поняла по-своему подруга.

– Скорее нагл, – в сердцах призналась я и в двух словах обрисовала ситуацию.

Дашка согласилась, что это действительно наглость – спать до секса с девушкой, а не после. Я лишь в сердцах плюнула в трубку. Подруга была неисправима.

– Ладно, загляну к тебе через часик, – усмехнулась Дашка и отключилась.

Я же повертела в руках телефон, и... у меня появилась идея. Нагуглить можно было не только эрудицию, но и много чего еще. И кого. И хотя поиск по картинкам – это, конечно, не система распознавания лиц от интерпола, но вдруг?

Спящий тип был злостно обшелкан мною камерой сотового со всех сторон. Я выбрала разные ракурсы, освещенность и... спустя час моих извращений и трех надругательств над браузером с отягчающими нашла его. Моего недоутопленника. Вот есть некоторые мужчины, после встречи с которыми приходится лапшу с ушей вилками снимать. Так вот, чтобы избавиться от Доширака, презентованного автостопером, вилки мало. Нужны минимум вилы.

Если гугл не сильно врал, а лишь привирал, у меня на диване приютился не бедный парень, а очень даже богатый. Я бы даже сказала, нагло богатый, которому обдирать бедную девушку на предмет поношенной одежды было просто стыдно.

Я уставилась на википедию, которая мне черным по светящемуся экрану повествовала, кто таков мой гость.

{«Никита Беркутов – российский предприниматель, долларовый миллиардер, один из создателей информационной спутниковой системы. На данный момент входит в круг директоров „ГСИС“. В студенческие годы был лауреатом стипендий Президента РФ и Правительства РФ, трёхкратным лауреатом Потанинской стипендии...»}

Я пробежалась глазами по строкам. Со всех сторон положительный тип. Настолько положительный, что положил мою нервную систему не хуже, чем хакеры сервака Эстонии

в апреле седьмого года, – намертво. Помнится, тогда власти страны отрубили внешний интернет, чтобы восстановить серверы. Я тоже подумывала если не отрубить, то врезать как следует одному вруну.

Нет, конечно, могло быть и так, что эти двое просто похожи. Как однойцевые близнецы, которые еще всю жизнь и стриглись у одного стилиста.

Сейчас, когда светлые волосы, отмытые от речной тины, стали подсыхать, сходство было ну очень сильным. Я, как человек, который фотошопом закусывал на завтрак, обед и ужин, могла, глядя на снимок из интернета, точно сказать, где кадр подправили. И мысленно эти исправления убрать.

Меж тем объект моих мыслей, легко подходящих под некоторые статьи УК о нанесении «легких и средней тяжести», заворочался, устраиваясь поудобнее. И вот что прикажете с ним делать? Как говорится, «прибить нельзя простить» – ставь, женщина, запятую в зависимости от степени взвешенности.

А я была злая. Очень. На весь сегодняшний день, на изменщика бывшего, на вралю, дрыхнувшего на моей кухне... В общем, я психанула настолько, что в приступе ярости на смерть загрызла три сосиски, обнаружившиеся в холодильнике. Нацелилась на бифидок, но в нем молочные бактерии уже перешли на сторону зла. И нет, их не сманил печеньками темный властелин. Все было куда более прозаично: истек срок годности. Опечалившись, я воззрилась на яйца. Что же,

придется жарить омлет, ведь я все еще была голодной!

Деликатностью при готовке я себя не утруждала, гремя сковородкой вовсю.

Мои кулинарные потуги на ниве жарки прервал телефонный звонок. На экране высветилось «любимый». Я заскрипела зубами, скинула номер изменщика и для начала мстительно переименовала его в «кобель». А потом заблокировала. В душе у меня сейчас было... никак. Я зафиксировала умом, но разумом не успела осознать, что произошло. Разочарование еще не успело впиться в меня зубами, чтобы как следует потрепать. Да, именно разочарование. В человеке, которому я верила. Стасу... Любила ли я его? Еще вчера казалось, что да. И хотела услышать от него заветное «выходи за меня замуж»... И только сейчас, увидев его измену, поняла: нет, не любила. Он мне нравился, но... не екнуло у меня, не замерло, грозя инфарктом, сердце... Злость? Да, она была. Но не было ощущения оборвавшейся красной нити.

Об этом думала, пока ужинала, пока мыла посуду... Гость спал. Ему не мешало ни бряцанье вилки о тарелку, ни плеск воды, ни яркий свет. Интересно, сколько он так подрыхнет? И что мне делать? Ложиться спать в квартире, когда за соседней стенкой лежит подозрительный тип, у меня желания не было. И плевать, хоть он трижды миллиардер.

Я уже было склонилась над белобрысым, чтобы разбудить его тряской за плечо, криком, методами нетрадиционной китайской медицины... Но тут раздался звонок в дверь. Неуже-

ли уже час прошел и Дашка решила меня проведать?

Без задней мысли я открыла дверь, не посмотрев в глазок. А зря!

На пороге стоял бывший. Набывчившийся, взъерошенный, с расцарапанной щекой и заплывшим глазом. Но помимо его тяжёлых ранений, полученных на любовном фронте, я машинально отметила еще и свитер, в котором ко мне заявился бывший. Плотная вязка, кашемир – помню, как я с любовью выбирала этот новогодний подарок с характерным зимним принтом. И стало обидно за себя, за то, что была такой доверчивой, старалась и заботилась об этом...

– Аня, нам надо поговорить... – начал этот кобель, делая шаг вперед и словно не сомневаясь в том, что я его впущу.

Но я и не подумала посторониться. Скрестила руки на груди и зло прищурилась.

– Стас, вот я смотрю на тебя и думаю, что... не олень на свитере, а свитер на олене... – Я выразительно опустила взгляд на грудь бывшего, где как раз и был изображен этот спутник Санты. И по забегавшему взгляду бывшего поняла: он, надевая этот свитер, рассчитывал на обратный эффект. Наверняка подумал, что я, увидев на нем свой подарок, смягчусь, не иначе. Увы для Стаса: я не смягчилась, скорее наоборот – очерствела, огрубела и отвердела настолько, что почти омонотилась. И самым жестким тоном отчеканила: – Потому как умный человек понял бы, что после всего случившегося говорить нам не о чем. Да что там говорить –

дышать одним воздухом и то не имеет смысла.

– Любимая... – начал этот самодовольный эгоист.

И я взорвалась!

– Какая я тебе «любимая»? Ты мне сегодня на моих глазах изменил!

– Ну, если бы не изменил, то назвал бы единственной, – тут же выкрутился бывший.

Я заскрипела зубами... и хоть сегодня и был не рыбный день, но лещей надавать ой как захотелось. Настолько, что я потянулась за молотком, об который недавно запнулась в прихожей. Сделала пару шагов от порога, и в моих руках оказался папин верный инструмент. Только теперь до Стаса наконец дошло, что я настроена серьезно.

– Эй, ты чего?.. – настороженно начал он, делая несколько шагов назад.

– Всего... – многообещающе протянула я. – Как говорится, каждый сам кузнец своего счастья... Вот и я сейчас скую: себе – благодати, а тебе – больничный от травматолога...

– Ань, мне и так сегодня досталось... И какой, к черту, больничный... Ты же не уголовница, а интеллигентная девушка. Давай все обсудим... – И, видя, как я зверею, бывший в запале протараторил: – Я сегодня все осознал и понял, что мне нужна только ты! Я хочу, чтобы ты стала единственной... Выходи за меня замуж!

Это был его козырь. Последний аргумент, чтобы я вернулась, простила, забыла... Но если вчера я мечтала услышать

эти слова, то сегодня...

– Угу, я за тебя выходи, а ты мне что? Кальциевую диету, чтоб рога поразвесистее были? Убирайся!

– Я не уйду! – выпятив грудь, заявил Стас и тараном попер на меня. Даже страх перед молотком куда-то исчез...

И... ровно на пороге остановился как вкопанный, словно на стеклянную стену напоровшись. Закрыв и открыл рот, как рыба, выброшенная на берег.

Но потом удивление на его лице сменилось злостью, взгляд бывшего прошелся по мне и устремился дальше. За мое плечо. Я медленно обернулась и увидела свою «спящую принцессу», которую не смогли разбудить ни лязг кухонной посуды, ни шкворчание омлета... А тут подобранец очнулся сам.

Он стоял, опершись о стену прихожей и выразительно скрестив руки на груди. Его холодное молчание и тяжелый взгляд были красноречивее любых слов. Их даже можно было использовать в качестве оберега от чрезмерно разговорчивых незнакомцев! Да и не сильно болтливых – тоже.

Так смотрит матерый мартовский котяра, у которого зарвавшаяся полевка решила утянуть кусок колбасы. И ныне хвостатый раздумывал: загрызть ли наглую пискуху сразу или для начала прибить лапой.

– Значит, решила отомстить мне?! Изменить? – взвизгнул Стас, по-своему поняв причину, по которой мы с незнакомым мужиком находимся одни в квартире, да еще и в до-

машней одежде.

– Изменить?! – взбеленилась я. Нет, у меня было много недостатков, от полной несовместимости с готовкой и уютом до привычки петь в душе при полном отсутствии слуха, но ветреной я не была никогда! И от кого я слышу обвинения в предательстве? От этого зародыша мужчины, который на моих глазах лапал ту девицу, от этого сперматозоида недоделанного! – Да я была тебе настолько верной дурой, что, даже переходя дорогу, налево не смотрела. – И замахнулась молотком.

И проломил бы наглицу череп, если бы мою руку не перехватили. Сзади.

– Дорогая, позволь мне самому избавиться от хлама, – прозвучал вкрадчивый баритон.

– Я никуда не уйду! – тут же возразил бывший парень и, судя по всему, будущий труп. Потому как даже без аккуратно отнятого из моих рук молотка я была готова убивать.

Но, противореча своим же словам, бывший сделал шаг назад от надвигавшегося на него «ныряльщика». Мой гость же был очень выразителен: угрожающе смотрел, сжимал кулаки и вообще давил на психику, в том числе и живой тестостероново-мышечной массой. Весьма накачанной такой массой.

Стас струхнул. И ретировался, напоследок назвав меня единственной и неповторимой... Это если перефразировать. А дословно было что-то вроде: «Ты, Аня, стерва, каких еще поискать».

Я же с облегчением захлопнула дверь и только хотела сказать гостю: «Спасибо, но не стоило вмешиваться...» – как услышала:

– Не благодари. – И автостопер усмехнулся. – Мы теперь в расчёте. Ты выручила меня, я спас тебя.

Мне сразу же расхотелось вообще что-либо говорить.

– В расчёте мы будем, когда я навешаю на твои уши столько же лапши, сколько сейчас висит на моих.

Я для наглядности оттянула пальцами свою мочку. Да, бывший ушел. Но желание убивать-то осталось! А передо мной имелся враль, которому я на чистом духу и высказала все, что о нем думаю.

– Я память потерял... Я бедный, несчастный... Обогрейте меня... – зашипела рассерженной гадюкой. – Никакой ты не бедный и не несчастный, Никита Беркутов.

Едва я произнесла имя, как автостопер закаменел, а температура воздуха, по ощущениям, и вовсе понизилась на десять градусов.

– Как. Ты. Узнала.

– Я, в отличие от бывшего иноземного президента, в гугле еще не забанена, – фыркнула саркастически. – А твой фейс успел по всей сети засветиться. Так что не надо лгать, врун несчастный!

Он устало провел ладонью по лицу, а в его глазах застыло выражение... словно хотел уснуть на сотни лет, забыть, что он есть на этом свете, а лучше – и вовсе не быть. Или хотя бы

чтобы все вокруг перестало крутиться с бешеной скоростью: Земля, события, сама жизнь.

– Ань, извини... я думал, так будет лучше.

– Как – так? – подозрительно уточнила я.

– Если ты ничего не узнаешь. Кто я и почему оказался на трассе. И не будешь сообщать обо мне в полицию.

– Ты в бегах? – спросила я очевидное. Ну правда, кто еще будет бояться стражей правопорядка? И не просто бояться, но и скрываться...

Заговаривая зубы, сделала инстинктивный шаг к входной двери. Ой, не зря этот тип мне показался подозрительным! Преступник. И наверняка – опасный. Ибо о безопасных бандитах я что-то не слышала.

Сглотнула, буквально на языке ощутив вкус страха – одновременно стылого, как морозная мята, и обжигающего, как перец чили. И этот ком ледяного огня прокатился по горлу, упав куда-то туда, где еще утром, кажется, был мой желудок. А сейчас – лишь тянущая пустота.

– Я в трупях, – произнес он. И, видимо, что-то прочтя по моему лицу, поспешил добавить: – В смысле, я надеюсь, что меня считают погибшим. И не хотелось бы воскресать в полицейских сводках раньше времени.

Если этим он меня хотел успокоить, то зря!

До спасительной двери оставалось совсем ничего, когда этот псих с криминальными наклонностями вдруг догадался, что я задумала, и рванул наперерез.

Я опоздала ровно на секунду. Еще бы чуть-чуть – и успела бы отпереть вертушок замка и удрать.

– Подожди! – Сильные руки легли с обеих сторон от моего тела, прижав к стене. Совсем рядом с дверным косяком.

«Насильник!» – мелькнула мысль, от которой я зажмурилась, вжавшись в стену. Вот зачем только я его подобрала на той трассе. Знала же, что ничего хорошего на обочинах не бывает. Только мусор, кусты и ГИБДДшники. А еще, как оказалось, – преступники, которых гугл почему-то считает еще и миллиардерами.

– Ань, я не знаю, что ты успела себе придумать и почему хочешь убежать, но, поверь, я не сделаю тебе ничего плохого.

– И насиловать не будешь? – Я приоткрыла один глаз, чтобы встретиться с лукавым взглядом.

– А надо? – осуждающим тоном «ну и обязательная развлекательная программа для гостей у вас, барышня» произнес нависший надо мной подборанец.

– Н-нет, – запнувшись, открестилась я.

– Вот и замечательно, – выдохнул «водолаз», но нависать надо мной так и не перестал. – Давай просто поговорим. И я... расскажу тебе всю правду, обещаю. Только пойдем на кухню. Беседа будет долгой, и лучше ее вести не у порога.

С этими словами он отпрянул, оттолкнувшись руками от стены, повернулся ко мне спиной и зашагал прочь. Причем абсолютно уверенный, что я последую за ним. Словно

этот тип был хозяином тут, а я... а я никуда не денусь.

Хотя это он зря. У меня был великий соблазн дать деру. Но я переборола его и, подхватив в руки молоток, который еще недавно отняли из хрупких рук и вернули на пол, пошла выбивать из незваного гостя правду.

А она оказалась... странной. Никита подтвердил: рунет про него врал, но в пределах допустимого. Да, он предприниматель, да, богат, да, один из создателей информационной спутниковой системы, и даже про Потанинскую стипендию правда... И про длинноногую модель герл-френд правда. От последнего – странно, но стало чуть грустно.

Впрочем, все быстро забылось, когда Никита рассказал, почему так не хочет воскресать:

– Моя машина потеряла управление и вылетела в реку... – начал было он, но я перебила:

– Ну это же обычная авария. Почему ты не вызвал спасателей?!

– Ань, ты не поняла! – Ник резко подался вперед. – МОЯ машина. Проверенная, прошедшая на днях полное ТО. Я в ней был абсолютно уверен. В ней не могло быть неисправностей. А у нее вдруг на повороте отказывают тормоза.

– А ты до этого на живой классике, в смысле на не умерших вовремя жигулях ездить не пробовал? – ехидно спросила я, памятуя, как моя «крошка» порою «брала управление в свои покрывала», напрочь игнорируя желание водителя. А тут всего лишь юзом пошел... И сразу паника. Почти

на ровном месте.

– Пробовал, – мрачно ответил собеседник, – сегодня вечером.

И, судя по его тону, эту дорогу он запомнит надолго. Может быть, навсегда. А я про себя лишь усмехнулась: вот так можно стать для мужчины незабываемой. Ведь мини-юбок, выразительных декольте перед ним в жизни промелькнет много. А вот разваливающаяся на ходу «семерка», тыква-гигант на коленях и старая куртка, спасающая от холода, – навряд ли хоть еще раз!

– И после этого у тебя еще есть вопросы по поводу тормозов? – скептически уточнила я.

– Ты не понимаешь. На моей машине АБС новейшая. Она просто не могла себя так вести. – Скажи он это в запале, я бы усомнилась. Но слова Никиты прозвучали спокойно, слишком спокойно. И я в них как-то сразу поверила. А он, убедившись, что я больше не буду его перебивать, продолжил: – Понимаешь, я сейчас работаю над проектом. Разработка прошла финальные испытания и... В общем, я считаю, что нужно провести еще ряд исследований. Но это задержит внедрение. Одним словом, похоже, я кого-то слишком достал своей дотошностью, – усмехнулся Никита.

– И что, тебя убить, что ли, за это? – вырвалось у меня.

– А вот это здравая мысль, – он усмехнулся.

А до меня наконец-то дошло, почему Никита не желал «воскресать». И вдруг стало неловко за свою истерику в при-

хожей, когда я на нервах после всех событий сегодняшнего дня, предательства Стаса, накрутила себя, что Никита – преступник.

– А этот, который сегодня приходил, – он твой парень? – меняя тему, спросил мой недобитый ныряльщик.

– Он мой... – Я сделала паузу, потому как эпитетов в адрес Стасика было много, но приличного – ни одного. Наконец, решив эту лингвистическая головоломку – как остаться приличной, не матерящейся девушкой и не погрешить против кобелиной сути бывшего, – произнесла: – Сволочь, одним словом.

А потом я рассказала Никите все. И злость, нервное напряжение уходили. Вместе со словами и... слезами. Да, я позорно разревелась. Причем настолько, что не поняла, как оказалась сидящей на диванчике на руках у того, кого еще чуть больше часа назад хотела прибить молотком.

Резкая трель заставила меня вздрогнуть. Ну если это опять бывший... Я даже точно знаю, куда его пошлю, только не знаю, как об этом цензурно сказать.

Хотя лучше не только сказать, но и лично задать вектор движения. А потом убедиться, что прибыл в конечный пункт. Даже если это анатомически нереально и вообще противоречит законам физики, логики и здравого смысла. Потому как нет ничего невозможного для человека, взбешенного до нужной степени.

Глава 2

{{Аня}}

Пулей вылетев из кухни, подскочила к входной двери и распахнула ее со словами:

– Ну здравствуй, труп! – В моих венах пульсировала не кровь, а лишь одно желание – убивать!

И я, вся такая гневная, с распухшим носом и красными глазами, наткнулась на Дашку. Подруга стояла на пороге в лучших традициях киношных боевиков: в розовых тапочках, коротких шортах, топе, с мобильным в одной руке, перцовым баллончиком в другой и выражением «да ты, Аня, офигела!» на лице.

Оценив мой грозный вид, Дашка уточнила:

– Тебя еще надо спасти или уже помогать закапывать тело?

– А, это ты...

– А кого ты ожидала увидеть? – вопросом на вопрос ответила подруга.

– Стаса... – призналась я и подозрительно уточнила: – Надеюсь, ты не стримишь?

– Нет. – По тому, как быстро палец подруги мазнул по экрану, я поняла: из своего краткого ответа она упустила слово «уже». Видимо, поняв, о чем я подумала, по моему

выражению лица, практичная Дашка добавила: – А вдруг бы с тобой уже что-то случилось? Или этот тип уже разделывал бы твой хладный труп и на меня напал заодно, как на свидетельницу! А пока я включу камеру, чтоб были эти, неопровержимые улики...

– Улики, – машинально поправила я.

– Я так и сказала, улики, – фыркнула Дашка. Была у нее такая особенность – при волнении путать слова. Но она старательно ее отрицала, а друзья делали вид, что не замечают. Вот только иногда, как сейчас, случались проколы. Зато теперь я точно знала: подруга за меня переживала, и еще как. – Так вот, я и решила это... прямой эфир заснять. Вдруг твой гость маньяк?

– Спасибо, – искренне поблагодарила я. – Но он все-таки не маньяк. Врун, комбинатор, чтоб его, Ося Бендер, версия два-один, но не маньяк. Точно.

– Точно-точно? – Подруга, сомневаясь, прищурилась. Мои слова против зареванного лица ее не убедили.

– Точно-точно-точно, – передразнила ее я, вытерев тыльной стороной ладони нос.

Но Дашка бы не была Дашкой, если бы не переспросила:

– Точно-точно-точно-точно?

– Точно, как швейцарские часы! – не выдержала ее натиска я. – А это, – указала на глаза, – я лук крошила. Едкий, зараза.

– Ну раз у тебя все в порядке, то я пойду назад, к своему

сериалу и пище, – усмехнулась бдительная подруга и все же добавила: – Но если еще нужно будет спасать от маньяков, психов – зови. Но только строго с одиннадцати утра и до девяти вечера, с перерывом на обед и не в выходные.

Я усмехнулась. Вот ведь... Дашка!

– Спасибо еще раз. – Я улыбнулась этому грозному Бэтмену, блюдущему закон об охране труда. Все же Дашка была замечательной подругой!

А вот когда вернулась на кухню... Нет, ну наглость! Мало того, что этот недоутопленник несчастный воспользовался девичьей доверчивостью, проник в мою квартиру, оделся в мою одежду, выспался на моем диване... так теперь он еще и покусился на МОЙ омлет!

Никита вовсю хозяйничал на кухне, раскладывая скрэбл на две тарелки.

– Кхм, – кашлянула я. С намеком так кашлянула, в духе «ты влез не в свое дело, парень».

– А-а-а, ты уже все! Закончила с соседкой? – безмятежно отозвался кандидат на приобретение цементного тазика для ног. При этом наглый расхититель сковородки не обернулся, а потому даже не подозревал, как я была близка к убийству с отягчающими.

И этот тип не только не испытывал моральных угрызений по поводу кражи еды, но и подслушивать считал не зазорным.

– А тебя не учили, что брать чужое нехорошо? И греть

уши на посторонних разговорах – тоже не айс. – Я оперлась о дверной косяк, в упор глядя на затылок Никиты.

Он все-таки обернулся.

– Я не подслушивал, а лишь убедился, что это не твой псих вернулся.

– Он не мой, – тут же открестилась я от бывшего.

– Так вот, как убедился, что это не он, так и ушел. А про ужин... ты разве со мной не поделилась бы?

Я представила, как на глазах у Ника в один фейс хомячу омлет, а он провожает каждый кусок голодным взглядом, и... Поделилась бы! Конечно, поделилась. Но вот то, что он меня так просчитал, а главное, не спрося, начал сам...

– Тебе не говорили, что ты невыносим?

– Невыносимых людей не бывает, – возразили мне сухим, скорбным тоном профессионального бурлака. – Бывают слабые плечи и заклинивающие колеса у грузовых тележек.

– Еще и зануда, – вынесла я вердикт.

– Нет. Я просто бываю объективным. Всегда, – прозвучал убийственно честный ответ, и я поняла: Ник бесил всех. И постоянно.

– Объективность мнения о... – Я задумалась на секунду, подбирая слова. – Скажем, о событии из репортажа часто зависит от ширины объектива фотографа и угла съемки – это я тебе как профессионал говорю.

– Ты журналист? – тут же подобрался Ник, как иной настораживается при приближении охотника с двустволкой.

– Хуже, я фотограф, – мстительно ответила я и добавила: – Так что меня стоит бояться, утрашаться и...

– И не покушаться на омлет. Понял, – закончил за меня этот несносный тип.

– И зачем я тебя только подобрала?

– Потому что машина отказалась ехать дальше? – произнеси он это другим тоном, я бы точно психанула. Но Ник спросил, будто мы давно знакомы, и не просто знакомы, а друзья, и... мой запал куда-то исчез.

Но все равно я в пику произнесла:

– Знаешь, кажется, теперь я верю, что тебя могли и захотеть убить. Мы с тобой едва знакомы, но я уже прикидываю, не начать ли гуглить что-то вроде «как незаметно от соседок-пенсионерок вынести тело из квартиры».

– Через окно – самый надежный вариант, – подсказал Ник, подкупаяще улыбнувшись, а потом стал серьезным: – Мне говорили, что я раздражаю, – вдруг признался он. – И со мной иногда тяжело общаться.

– Ладно, извинения приняты. – Я махнула рукой.

Взгляд скользнул на порции яичницы, и подумалось: неплохо бы ее чем-то дополнить. Открыла холодильник и, узрев упаковку сыра, потянулась к нему. А вот когда открыла... Говорят, сыр с плесенью – недешевый деликатес. Мой же «костромской» подорожал сразу в холодильнике.

Мы оба с сомнением глянули на новоявленный «Бри» и дружно решили: нас устраивают и половинчатые порции.

А вот когда с едой было покончено, я, нацелив на Ника пристальный взгляд (хотя хотелось еще и вилку), произнесла:

– И что ты намерен делать дальше?

– Этим вечером? – уточнил он и тут же сам ответил: – Быть очень вежливым. Потому что мне негде переночевать. – Намек был толще удава, нечаянно проглотившего слона.

– Знаешь, пока получается не очень, – честно ответила я. – Неужели у тебя нет того, к кому ты мог бы обратиться за помощью?

– Не уверен, что это хорошая идея.

– Почему же? – удивилась я. Всегда казалось, что друзья, родные – это те, кто тебя поймут, поддержат.

– У них будут в первую очередь искать те, кто хочет меня устранить. – Ник на пару секунд замолчал. Я не перебивала. Ждала. – Ань, понимаешь, перед самой аварией я разговаривал по телефону. После – машина вылетела в реку на полной скорости. Телефон я утопил. Автомобиль найдут по последнему сигналу геолокации, а меня, надеюсь, объявят пропавшим.

– А как же твои родные? Девушка? Они же наверняка переживать будут, места себе не находить? – я все же не выдержала.

– Мне выгоднее, чтобы считали, что тело Никиты Беркутова унесло течение. – Гость даже не разозлился на то, что я его перебила. – Но это ровно до того, как будут какие-то движения по моим счетам или я позвоню другу. А потом охота

за мной начнется снова. И не факт, что мне еще раз повезет. Что же до родных... Думаю, отец вздохнет свободно. А двоюродный братец и вовсе возрадуется, узнав, что меня нет.

Он говорил это размеренным, спокойным тоном, словно речь шла о банальном решении матричного уравнения, а не о его собственной жизни.

– Подожди... – начала было я, но меня перебили.

– Ань, извини, но я дико устал.

– Я это заметила, еще когда ты вырубился на моем диванчике, – усмехнулась. Меня, конечно, терзало жуткое любопытство, и спросить хотелось о многом, но, как представила себя на месте Ника... само собой вырвалось: – Если хочешь, можешь до утра оставаться.

Нет, я не была Матерью Терезой и не намеревалась давать ему приют. Но куда он сейчас пойдет, когда время уже близится к полуночи, а у него ни денег, ни телефона? Ночевать на скамейке в парке? Я же, сова по призванию души и велению организма, все равно обычно раньше трех в кровать не ложилась. А сегодня, после всего пережитого, думаю, и вовсе до самого утра глаз не сомкну.

А потом выпровожу этого ныряльщика и задрыхну с чистой совестью. Нет, у моего неожиданного гостя, конечно, проблемы куда поболее моих, но по большому счету мы с ним почти незнакомы. Да и лезть мне в большие игры крутых боссов совершенно не хотелось. Так что до утра – и ари-видерчи.

С такими мыслями я и караулила кофе в турке у плиты, а когда обернулась... Ник уже на бис повторил свой трюк «усни в мгновение ока».

Я притушила свет, оставив лишь лампу над мойкой. Медленно, тонкой струйкой налила ароматный напиток в чашку, замороженно наблюдая за темной, как пряная южная ночь, жидкостью, от которой исходил пар, добавила на кончике ножа корицы. Вдохнула упоительный аромат.

Это был не просто напиток. Это был ритуал, дарующий настроение, желание жить. Дверь в горячий ароматный мир с тысячами оттенков, душевных бесед и уединения. А еще – вечеров, когда хочется подумать обо всем и ни о чем.

Я цедила его маленькими глотками. И казалось, что кофе согревал не только тело, но и душу.

За окном жил своей жизнью ночной город. Меня завораживал горизонт, даль которого была распорота мириадами огней: ярким и холодным светом вывесок, квадратами окон, яркими фарами-светлячками машин, что несутся по улицам. Я стояла, смотрела и думала, думала... о ерунде. Потому что на серьёзные мысли сил не осталось.

Сейчас я начала не только осознавать, но и понимать: все надежды, планы, чаяния, связанные со Стасом, с нашим с ним совместным будущим, рухнули. Надо учиться жить заново.

На диване заворочался Ник. Я посмотрела на него. И в очередной раз поразилась: как такой крупный – и уместил-

ся на ложе, что размерами чуть больше детской кроватки? Сейчас он по уровню компактизации превзошел китайские прессованные полотенца, которые раскрываются лишь в горячей воде.

Не зная, чем себя занять, я села на стул рядом с диванчиком и начала скроллить ленту. Заряд телефона стремился к нулю, мое упорство пролистать все новости – к бесконечности. Таргетированная реклама была очень высокого мнения о моей платёжеспособности и совсем низкого – об интеллекте, подсовывая мне то баннеры с баней, то курсы «как на хэнд-мейдовых трусах заработать миллион», то установку спутниковой системы навигации. Угу. На мое ведерко с гвоздями именно ее-то и нужно. Да семерку и безо всякой GPS можно найти: она так бренчит при езде, что, когда я завожусь, чтобы еще только ехать на дачу, вороны, клюющие на нашем участке клубнику, уже в курсе: скоро придут хозяева и нужно будет делать крылья.

Мозг вяло соображал: почему мне могли подсунуть такой странный рекламный набор? Ну ладно бани – мы с подружкой недавно их обсуждали и даже ссылками кидались, в какую лучше сходить на выходных, попариться. С курсами тоже понятно – они для женщин. Но как я попала в целевую аудиторию для установки системы отслеживания, предназначенной для дорогих авто?

А потом до меня, как Wi-Fi до Антарктиды, дошло: я же гуглила про Ника! А он вроде как раз этим занимался... Ско-

сила глаза на спящего подобранца. Он положил голову на валик дивана с одной стороны. С другой на оный уже опиралась я, сидя на стуле, придвинутом к дивану.

Любопытство все же взяло верх, и я пошла бродить по сайтам. И увлеклась. Информации о госте было много. И если официальные источники скупо упоминали о господине Беркутове и геотаргетинге и GPS-мониторинге, то сайты, освещающие личную жизнь селебрити, щедро делились фотографиями Ника рядом с какой-нибудь красоткой, и при этом с непременно уточнением его банковского счета. И чуть реже, что Ник – один из директоров крупнейшей в России компании, занимающейся разработкой и внедрением систем спутникового слежения для транспорта.

Я листала сайты и не заметила, как вроде бы только прикрыла глаза и... кто вырубился раньше, я или телефон, на котором окончательно села зарядка, судить не берусь.

{{Ник}}

Она уснула. Наконец-то. Доверчиво положила свою голову на изголовье дивана и засопела, так и не выпустив из рук телефон. Забавная... простая и понятная в своих эмоциях. Ее можно было читать как открытую книгу. И это было непривычно. Обычно меня окружали совершенно другие люди. И кто-то из них за дежурной улыбкой спрятал желание меня прикончить.

В поломку машины я не верил. Как и в то, что можно запускать систему Глок-5. Нет, на всех стадиях испытания она работала отлично. И система совместимости GPS и картирования не выявила несоответствия, но... тем не менее программа нуждалась в доработке. У нее имелись критические уязвимости кода. Кода, создание которого курировал Макс... С ним мы дружили еще с универа. А ответственным за группу тестировщиков и тем, кто должен был проверить код на уязвимости, был этот принстонский мальчик Филипп Лорка, попавший в компанию по протекции своего отца. Нет, голова у него варила, но должность, которую он занимал, была явно для него высоковата. Иначе как он пропустил дыру в безопасности, через которую можно было хакнуть систему и... вписать нужные координаты, скажем, организовать транспортный сбой или аварию?

Но сроки поджимали, и... если начать устранять недочеты, то компания понесет большие убытки.

Завтра должен был состояться совет директоров, где я планировал потребовать время на доработку. И об этом моем желании знали пятеро.

Помимо Макса и Лорки, был еще Романов – ведущий инженер. Плюс стерва Инга – руководитель отдела продаж. Ей проболтался Романов. Она сама призналась, когда коброй подплыла ко мне вечером в кабинет лично уточнить, чем в Глоке я недоволен. Ведь она уже заключила контракт на поставку. И сроки в нем были прописаны четкие.

И пятый – Марк Васильевич. Один из основных директоров. Человек-легенда. Знающий не только как построить бизнес в российских реалиях, но и как его удержать. Тот, с кем я решил посоветоваться, перед тем как...

Пятеро. Минимум пятеро.

К тому же не нужно сбрасывать со счетов и неучтенные факторы. Не один Романов мог оказаться болтлив... Но для начала неплохо бы узнать, не подходили ли к моей машине на подземной стоянке. Это было бы самым логичным решением уравнения под названием «Устранить Беркутова».

Поморщился, вспомнив, куда вчера утром припарковал машину на подземной стоянке. Я приехал чуть позже обычного. Большинство мест было занято. Пришлось оставить авто вдалеке от лифта. Рядом с одним из столбов. В ту сторону была направлена одна из боковых камер...

Мозг работал. Воспоминания сменяли друг друга с бесстрастностью строк программного кода. То, на что обычный человек не обращает внимания, в моей голове, казалось, откладывалось автоматически. Феноменальная память – так называли эту особенность преподаватели. Впрочем, знакомые считали это еще одной отвратительной чертой моего и так невыносимого характера: я помнил не только все их победы, но и промахи, неудачи – то, о чем многие предпочитают и сами забыть.

Решение пришло быстро: взломать систему охраны. Получить доступ к архиву записей. Задача невозможная для сто-

ронного человека. Вот только у меня были пароли доступа. И хранились они не только на флешке, но и в памяти. Предусмотрительность, которая в кои-то веки оказалась не лишней.

Над ухом засопели, а затем и завозились. Аня во сне пыталась поменять позу. С учетом того, что она заснула на стуле, наверняка у нее затекли шея и спина.

Я осторожно сел, придерживая ее голову и стараясь не разбудить. Сейчас, когда спала, она выглядела маленькой и беззащитной. Кнопкой. Ее хотелось укрыть. До нее захотелось дотронуться. Узнать, каковы на ощупь ее темные волосы, провести пальцем по лбу, меж бровей, ниже, до самого кончика носа. Спуститься к пухлым губам. А затем – наклониться и...

Тряхнул головой, прогоняя непрошенные мысли. Мне нужно думать, как выбраться из той задницы, в которую я угодил, а не о том, как потрахаться. Хотя... если она будет не против, то почему бы и нет? Нам обоим не помешает сбросить напряжение. Мне – после «купания», ей – после расставания.

Я старался глубоко дышать. Сидел, прикрыв глаза, сжимая и разжимая кулаки, прогоняя непрошенные эмоции. Сначала дело. В первую очередь. Всегда. Пассий у меня было много. Иногда даже с избытком. Но никогда так не накрывало от желания.

Медленно встал, распрямляясь. Мне нужен комп. Но сна-

чала... Ее тело оказалось легким, когда я подхватил ее на руки и понес в спальню.

Дверь, которую я толкнул, даже не скрипнула. Вокруг стояла кисельная тишина. Наклонился, чтобы опустить ее на кровать, но Аня неожиданно обняла меня во сне, что-то пробормотав, и доверчиво прижалась.

Я слышал ее дыхание. Теплое. Близкое. Тонкие руки вцепились в меня, словно ища укрытие от непогоды. Будто я мог отогнать дурные сны, мысли, воспоминания. Это были всего лишь объятия уснувшей девушки. Невинные. Дружеские. Вот только как это объяснить моей эрекции?

Я все же осторожно положил Аню на кровать. Укрыл пледом. И поймал себя на мысли, что не хочу уходить из комнаты.

Тихо выругался сам на себя и прикрыл дверь. Холодный душ, который не уступал воде в реке, помог остыть. Сначала получить доступ к серверу. Это главное.

Простенький комп на седьмой винде оказался в соседней комнате. Запустил. Экран загорелся синим, и система потребовала пароль. Усмехнулся. Обойти такую защиту не составило труда. Поставил на перезагрузку и сбросил пароль, зайдя в предыдущую сессию через интерпретатор команд. Ввел новый код, перезагрузил. На все потратил не больше пары минут.

Зашел через прокси-сервер, подключился к серваку компании, а дальше... пришлось постараться, но, когда солнце

заглянуло в окно, у меня уже была запись с камеры видеонаблюдения. Вот только толку от нее... Снято было издалека. Изображение дико пикселило, так что разобрать, кто именно подходил к моей машине, было невозможно. Лишь понятно, что это был мужчина в темном костюме.

Он заглянул под днище всего на пару секунд. Но этого было достаточно для того, чтобы проткнуть тормозной шланг иглой, если, конечно, знаешь, куда бить. А затем оставить ее. Так при езде по городу при слабом торможении она не вылетит, а вот на трассе машина, разогнавшись, при попытке остановиться не отреагирует. А ручник на такой скорости просто не удастся активировать.

Самым простым решением, чтобы узнать кто же это сделал было проверить камеры в кабинетах. Кого из подозреваемых не было на месте – тот, вероятнее всего – и мой убийца. Вот только все если бы никого из пятерых во время, когда испортили машину, на записи я не увидел, это не удивило бы меня настолько... Но! И Инга, и Романов, и Лорка, и Макс, и Марк Васильевич в это время успели мелькнуть перед камерами. И отнюдь не на парковке. Инга даже заходила в кабинет Лорки и перебросилась с тем парой фраз. Как раз за семь минут до того, как мне пробили тормоза. А это значило лишь одно: кто бы меня не захотел убить, он отлично все продумал. Даже собственное алиби.

Я гипнотизировал изображение на мониторе и...

– Как ты его включил?! Что ты вообще... – возмущенный

крик заставил меня отвлечься.

{{Аня}}

Я проснулась оттого, что внутри меня взорвалась маленькая бомба. Съёмка! У меня же на сегодня назначена съёмка! События вчерашнего дня напрочь вытеснили из головы все. Но, проснувшись, я вспомнила. Десять утра. ЗАГС. Ирина и Митя! А потом их прогулка и репортажка на банкете.

Телефон, который я так и не выпустила из руки, не включался. Черт! Сколько же сейчас времени?! Нужно срочно зарядить мобильник. А еще – аккумуляторы для камеры. И слить все рафки на комп, чтобы была пара запасных флешек! И позвонить ребятам, что я еду, и... Я заметалась в стиле «хватай мешки, вокзал отходит!».

«Надо-надо-надо» – эти мысленные «надо» сыпались на меня, как горох из прохудившегося мешка, сразу целой кучей. Супербонусом к ним шло все накапливающееся раздражение. Оно-то, к слову, и оказалось отличным стимулом, чтобы привести себя если не в божеский вид, то во вполне себе бодрый.

Сумка с проводом для телефона стояла в прихожей. А вот рюкзак с камерой, зонтики, отражатели, штатив и свой ноут я, помнится, отнесла в зал.

Поставив смартфон на подзарядку, я только тогда задалась вопросом: а где Ник? Заглянула на кухню. Но там его

не было. Внутри что-то екнуло. Я вся подобралась, по опыту зная: если люди, как и вещи, не обнаруживаются там, где их оставили, – это не к добру. Мысль, что Ник мог потихому уйти, прихватив что-то ценное, скребла на периферии сознания, когда я тихонько приоткрыла дверь в зал. И первое, куда бросила взгляд, – это угол. Там целыми и невредимыми лежали и мой рюкзак, и свёрнутые в круглые чехлы отражатели... И в кресле, полубоком ко мне, нагло захватив мой ноут, сидел собственно Ник, пристально глядя в экран.

Я задохнулась от возмущения. Взять мой комп! Запароленный, между прочим! Влезть в него! Да у меня там все личные данные! И личный банковский кабинет, и документы, и некоторые заказы... хотя фото я в основном обрабатывала на более мощном стационарном компе, оставшемся у Стаса.

При воспоминании о бывшем я разозлилась еще больше. Хоть психовать на двоих сразу оказалось и тяжело, но я справилась. И крикнула во всю мощь своих легких. И нормальному, вменяемому человеку стоило бы устрашиться. Ну хотя бы усовеститься. Извиниться. А он... он просто ответил на мой вопрос! Гад! Причем произнес это спокойно так, с интонацией «и тебе доброго утра».

– Как включил? Обошел защиту. – И, видимо, поняв что-то по моему лицу, добавил: – Ладно, Ань, не злись на меня.

– А может, ты не будешь давать повода? – Сжала кулаки, из последних сил пытаюсь удержать себя в руках. Но чувство-

вала: еще немного – и я таки вырвусь!

– Ань, успокой...

Зря он так! Нельзя взволнованной женщине говорить «расслабься», «не обращай внимания» или «остынь» – это слова-запалы, что поджигают короткий бикфордов шнур терпения. Триггеры, на которые девушки реагируют и в два года, и в сто два одинаково – психуют. Правда, во младенчестве это крик, а в старости – остервенелое ворчание. Но итог один: мужику моментально после его «совета» становится от этого во сто крат хуже, чем было до сакраментальных слов.

– Кто тебе позволил трогать мой комп! – Я прищурилась.

– Я подумал, ты не будешь возражать, – отозвался этот смертник, впрочем аккуратно закрывая ноут и откладывая его в сторону.

– Представь себе, возражаю. Очень. Могу даже матом! А сейчас – на выход. Ночлежка закрыта!

Я ринулась прочь из зала, чтобы лично выпроводить наглеца из квартиры. Вот только не успела.

В коридоре, у распахнутой настежь двери в спальню, прямо напротив входа, Ник нагнал меня, схватил за руку.

– Постой! Ань, ну погоди же ты!

Вот только, когда женская решимость уйти встречается с мужским желанием удержать, произойти может все что угодно. От ссоры до брака. Это уж зависит от силы чувств. В нашем случае перевесила сила земного тяготения. Я раз-

вернулась на пятках, волосы хлестнули по лицу, а потом я полетела на встречу с полом.

Ник, ухвативший меня за плечо, попытался удержать, но я, инстинктивно вцепившись в него, лишь сделала хуже. Мы оба потеряли равновесие и таки грохнулись на ламинат. Причем я снизу, пребольно ударившись затылком. Так, что звездочки в глазах заплясали.

Его дыхание коснулось моих губ. Так близко оказались наши лица – их разделяла всего пара сантиметров. И еще – целая стена. Стена тишины. Доля секунды, на которую наши взгляды встретились. Моя злость. Его беспокойство.

Наверное, я все же сильно приложила, потому как мозг переклинило. Иначе с чего я вместо того, чтобы тут же оттолкнуть этого гада, высказав все, что о нем думаю, сама себя оборвала на еще только первом зародившемся в горле звуке гневной тирады?

А может, виной всему глаза Ника, в которые хотелось смотреть долго и без стеснения? Их затягивающая, манящая темнота и янтарный огонь, бушующий в самой глубине. Этот взгляд не впивался в меня, не сверлил, не требовал, не пронзал, не ранил. В нем были лишь раскаяние и... забота. А еще что-то такое, отчего мое сердце пропустило удар.

– Аня, прости, – звук хриплого голоса разорвал тонкую, но натянутую до предела нить.

– Лучше слезь с меня, а уж потом извиняйся, – я фыркнула, возвращаясь в реальность, где время и не думает замед-

лять свой бег, а жизнь и вовсе бьет ключом. Причем газовым, разводным. С размаху. По голове. А у судьбы на такой случай, увы, касок не предусмотрено.

– Если встану – ты будешь меня слушать? – как-то уж слишком проницательно спросил Ник. Я даже удивилась. В каких-то вопросах он недогадлив, а тут... прямо просчитал мою реакцию.

– Нет. – Отрицать было бессмысленно.

– Я так и думал, – невесело усмехнулся он, но все же каким-то образом переместился так, что вес его тела больше не давил, но вот решишь я сбежать – сильно сомневаюсь, что получилось бы. – Потому что сам поступил бы точно так же.

Когда лежишь лопатками на полу, а над тобой нависает сильное мужское тело, открыто высказывать, все, что думаешь о наглеце, кипя при этом гневом, – не сильно разумное решение. Но я просто не смогла сдержаться.

– Я уже десять раз пожалела о нашей встрече!

И брыкнулась с силой, отринув все доводы логики, что ни к чему хорошему это не приведет. И, судя по шипению Ника, угодила в чувствительное место. Но он даже не шелохнулся. Лишь лицо стало непроницаемым.

– Я честно предупредил, что у меня дерьмовый характер. Я привык решать не только за себя, но и за других. И не только на работе. Поэтому...

– Это ты так извиняешься? – дошло до меня.

– Еще нет, но я пытаюсь. – Ник прищурился.

– Угу. Предварительно оглушив и зафиксировав жерт...

– Аня! – он все же не выдержал. – Я пытаюсь тебе объяснить, что я не хотел... Вернее, хотел. Мне был позарез нужен твой комп. И поверь, я ничего такого с ним не сделал.

– Ничего?! Ты как минимум его взломал! – Я еще раз брыкнулась, из чистой вредности цели в то же место. Но Ник был настороже. И увернулся не только от пинка, но и от брошенного в него гневного взгляда. Сволочь!

– Это было необходимо!

– А если бы тебе было необходимо кого-нибудь убить и спрятать тело? Ты бы его этой ночью приволок в квартиру?

– Не говори ерунды! Я бы выкинул его в мусорный бак, и вообще, Ань, хватит меня пинать.

– Я еще и не начинала. Вот сейчас...

– Сама напросилась. – С этими словами меня... нет, не скрутили, не оглушили и даже не попытались как-то навредить здоровью. Только нестабильной женской психике. Потому как меня поцеловали.

Губы жесткие. Со вкусом дикой мяты и лайма. Пьянящие, как виски. Это был поцелуй-волна. Остужающий ярость, подхватывающий, как щепку, и уносящий далеко. Прикосновения стали откровеннее. Его пальцы задрали футболку, коснувшись ребер, и меня словно током ударило.

Я вздрогнула – то ли от удовольствия, то ли осознав наконец, что происходит, и... не я одна. Ник отстранился так же резко, как и обрушился на меня.

Мы оба тяжело, часто дышали, словно пробежали стометровку, на старте которой стоял снайпер, целясь в наши спины.

– Успокоилась? – противореча логике, спросил Ник. Его голос был хриплым и надсадным.

М-да, однако и способ он выбрал, чтобы успокоить психующую меня. Хотя, признаю, действенный. Нет, я, конечно, понимаю, что стаканчика воды и пустырничка под рукой у Ника не оказалось, но все же...

– А сам как думаешь?

– Ну зато теперь ты захочешь убить меня хотя бы за дело. – Он сглотнул.

Я лежала на полу. Надо мной навис Ник. И в наших венах бился сумасшедший пульс. Да-да, у Ника он тоже шкалил: я видела бешено бьющуюся венку у него на виске.

И задумалась: я окончательно сошла с ума или еще есть шансы на нормальность?

– Ань, извини, – раздалось усталое. – Я действительно часто поступаю как эгоист. Привык руководствоваться логикой и плевать на чувства. Свои и других. ... Я сейчас уйду. Мне жаль, что все так получилось.

– Тебе действительно лучше уйти, – произнесла, про себя добавив: для нас обоих. Слишком много эмоций принес с собой Ник. А они – последнее, что мне сейчас, после измены Стаса, было нужно.

– Да, – мрачно согласился Ник и сглотнул.

Я почувствовала, как его тело напряглось, готовое подняться, и... именно в этот момент в замке провернулся ключ, входная дверь распахнулась, и...

– Это не то, что вы подумали! – первое, что успела лихорадочно произнести я опешившим родителям, груженным сумками с осенними дарами сада.

– Анечка, а как же Стастик?.. – растерянно произнесла мама. Пакет выпал из ее рук. Яблоки – румяные, сочные, наливные – покатались по прихожей и лестничной клетке.

Ник, тут же вскочив и протянув мне руку, помогая подняться, невозмутимо ответил:

– Я за него! – ничтоже сумняшеся отозвался Ник.

И тут же получил локтем в бок, а я на ультразвуке прошипела:

– Слушай, тебе никто не говорил, что, играя на чужих нервах, можно легко сыграть еще и в ящик?

– Я всего лишь хотел морально тебя поддержать!

– Поддержать? У тебя отлично получилось столкнуть меня в пропасть родительского гнева, – прошипела я и уже гораздо громче произнесла родителям: – Mam, пап, это Ник. Я упала, а он помогал мне подняться... И вообще, мы опаздываем в ЗАГС!

От последнего заявления вздрогнули сразу трое: родители и Ник. И я запоздало сообразила, что фраза «у меня сегодня свадьба» на неокрепшие от близкого знакомства с операторами умы действует оглушающе. И хотя родители знали,

что я часто снимаю торжества, но в свете только что увиденного и услышанного от Ника, видимо, единодушно решили: в этот раз я буду по другую сторону камеры. Невеститься, так сказать.

Пришлось срочно пояснить:

– В смысле, мы сегодня снимаем молодоженов! Ник – мой ассистент. Будет отражатели и стойки держать.

– Помощник, значит... – Папа посмотрел на меня с большим сомнением. – Ну-ну...

Я бы рада была рассказать родителям правду о Стасе, но на опоздания к заказчикам у меня была стойкая денежная аллергия. А если я начну объяснять, что в квартире делает Ник, и рассказывать об измене бывшего, то закончу в лучшем случае к полудню.

– Мама, пап, рада вас увидеть! Но сейчас мы убегаем. – И, обернувшись к Беркутову, скомандовала: – Ник, бери в зале штативы, свет – и погнали. – Мне даже крайнюю степень опоздания изображать не пришлось. Я действительно нервничала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.